Буренушка. Русская народная сказка

Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь с царицею, и была у них одна дочь, Марья-царевна. А как умерла царица, то царь взял другую жену, Ягишну. У Ягишны родилось две дочери: одна — двоеглазая, а другая — троеглазая. Мачеха не залюбила Марьи-царевны, послала её пасти коровушку-бурёнушку и дала ей сухую краюшку хлебца.

Царевна пошла в чистое поле, в праву ножку бурёнушке поклонилась — напилась-наелась, хорошо срядилась; за коровушкой-бурёнушкой целый день ходит, как барыня. День прошёл, она опять поклонилась ей в праву ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлеба назад принесла, на стол положила.

— Чем сука жива живёт? — думает Ягишна; на другой день дала Марье-царевне ту же самую краюшку и посылает с нею свою бóльшую дочь.

— Присмотри, чем Марья-царевна питается?

Пришли в чистое поле; говорит Марья-царевна:

— Дай, сестрица, я поищу у тебя в головке.

Стала искать, а сама приговаривает:

— Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!

Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла к коровушке-бурёнушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась и ходит весь день как барыня. Пришёл вечер; Марья-царевна разрядилась и говорит:

— Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдём домой.

— Охти мне! — взгоревалась сестрица. — Я весь день проспала, ничего не видела; теперь мати забранит меня!

Пришли домой; спрашивает её мати:

— Что пила, что ела Марья-царевна?

— Я ничего не видела.

Ягишна заругалась на неё; поутру встаёт, посылает троеглазую дочерь:

— Поди-ка, — говорит, — погляди, что она, сука, ест и пьёт?

Пришли девицы в чистое поле бурёнушку пасти; говорит Марья-царевна:

— Сестрица! Дай я тебе в головушке поищу.

— Поищи, сестрица, поищи, родима!

Марья-царевна стала искать да приговаривать:

— Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!

А про третий глазок позабыла; третий глазок глядит да глядит, что ро́бит Марья-царевна. Она подбежала к бурёнушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась; стало солнышко садиться — она опять поклонилась бурёнушке, разрядилась и ну будит троеглазую:

— Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдём домой.

Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на стол положила. Стала мати спрашивать у своей дочери:

— Что она пьёт и ест?

Троеглазая всё и рассказала. Ягишна приказывает:

— Режь, старик, коровушку-бурёнушку.

Старик зарезал; Марья-царевна просит:

— Дай, дедушка родимый, хоть гузённую кишочку мне.

Бросил старик ей гузённую кишочку; она взяла, посадила её к верее — вырос ракитов куст, на нём красуются сладкие ягодки, на нём сидят разные пташечки да поют песни царские и крестьянские.

Прослышал Иван-царевич про Марью-царевну, пришёл к её мачехе, положил блюдо на стол:

— Которая девица нарвёт мне полно блюдо ягодок, ту за себя замуж возьму.

Ягишна послала свою бóльшую дочерь ягод брать; птички её и близко не подпускают, того и смотри — глаза выклюют; послала другую дочерь — и той не дали. Выпустила, наконец, Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягодок брать; она берёт, а мелкие пташечки вдвое да втрое на блюдо кладут; пришла, поставила на стол и царевичу поклон отдала. Тут веселым пирком да за свадебку; взял Иван-царевич за себя Марью-царевну, и стали себе жить-поживать, добра наживать.

Долго ли, коротко ли жили, родила Марья-царевна сына. Захотелось ей отца навестить; поехала с мужем к отцу в гости. Мачеха обворотила ее гусынею, а свою бóльшую дочь срядила Ивану-царевичу в жёны. Воротился Иван-царевич домой. Старичок-пестун встаёт поутру ранёхонько, умывается белёхонько, взял младенца нá руки и пошёл в чистое поле к кусточку. Летят гуси, летят серые.

— Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?

— В другом стаде.

Летит другое стадо.

— Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?

Младёного матерь на землю скочила, кожух сдёрнула, другой сдернула, взяла младенца на руки, стала грудью кормить, сама плачет:

— Сегодня покормлю, завтра покормлю, а послезавтра улечу за тёмные леса, за высокие горы!

Старичок пошёл домой; паренёк спит до утра без разбуду, а подменённая жена бранится, что старичок в чистое поле ходит, всего сына заморил! Поутру старичок опять встаёт ранёхонько, умывается белёхонько, идёт с ребёнком в чистое поле; и Иван-царевич встал, пошёл невидимо за старичком и забрался в куст. Летят гуси, летят серые. Старичок окликивает:

— Гуси вы мои, гуси серые! Где младёного матку видали?

— В другом стаде.

Летит другое стадо:

— Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?

Младёного матерь на землю скочила, кожу сдёрнула, другую сдёрнула, бросила на куст и стала младёного грудью кормить, стала прощаться с ним:

— Завтра улечу за тёмные леса, за высокие горы!

Отдала младенца старику.

— Что, — говорит, — смородом пахнет?

Хотела было надевать кожи, хватилась — нет ничего: Иван-царевич спалил. Захватил он Марью-царевну, она обвернулась скакухой, потом ящерицей и всякой гадиной, а после всего веретёшечком. Иван-царевич переломил веретёшко надвое, пятку назад бросил, носок перед себя — стала перед ним молодая молодица. Пошли они вместе домой. А дочь Ягишны кричит-ревёт:

— Разорительница идёт! Погубительница идёт.

Иван-царевич собрал князей и бояр, спрашивает:

— С которой женой позволите жить?

Они сказали:

— С первой.

— Ну, господа, которая жена скорее на ворота скочит, с той и жить стану.

Дочь Ягишны сейчас на ворота взлезла, а Марья-царевна только чапается, а вверх не лезет. Тут Иван-царевич взял своё ружьё и застрелил подменённую жену, а с Марьей-царевной стал по-старому жить-поживать, добра наживать.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.